

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

ORCID: 0000-0002-0883-3133

*С. Г. Андреева**

От дипломатии к войне: некоторые аспекты японо-китайских отношений по поводу Кореи в начале 1890-х гг.

Аннотация. В статье на основе архивных материалов рассматриваются некоторые особенности японо-китайских отношений в начале 1890-х гг. в связи с ситуацией в Корее, а также приводится анализ значимости действий Китая и Японии в дипломатической сфере в контексте последующих событий на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: архивные материалы, дипломатия, международные отношения, Китай, Корея, Япония, Ли Хунчжан, Ито Хиробуми

*Svetlana G. Andreeva***

From the diplomacy to a war: Certain Aspects of the China-Japan Relations with Regards to Korea in the Early 1890s

Abstract. This article is based on the archival materials and presents the description of some aspects of political relations between China and Japan in

* *Андреева Светлана Геннадиевна*, канд. ист. наук, научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), surfgrid-to@list.ru

** *Andreeva Svetlana Gennadyevna*, Ph. D. (History), Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), surfgrid-to@list.ru

© Андреева С. Г., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

connection with the situation in Korea in the early 1890s. It also provides the analysis of the significance of China's and Japan's diplomatic activities in the context of the later events in the Far East.

Keywords: archive materials, diplomacy, international relations, China, Korea, Japan, Li Hong-zhang, Ito Hirobumi

В последней трети XIX в. регион Дальнего Востока был одним из эпицентров, по сути, межцивилизационных контактов, выражавшихся как во взаимодействии, так и в противостоянии, прежде всего, разумеется, в сфере политики и экономики. Чрезвычайная насыщенность рассматриваемого периода разнообразными политическими явлениями обуславливалась довольно резкой активизацией примерно в рассматриваемое время ряда стран, в которых цепь внутриэкономических, а также внутри- и внешнеполитических событий ознаменовала процессы внутренней трансформации, которую в той или иной форме и на том или ином уровне переживали эти государства. Эти процессы, естественно, определяли и общую «картину», а также характер межгосударственного взаимодействия в указанном регионе, неизбежно приводя к разного рода столкновениям и конфликтам. Стоит отметить, что главными «действующими лицами» на данной политической «сцене», хотя и с разными «степенями свободы» и возможностью манёвра, были несколько стран: Великобритания, Российская империя, Китай, Япония и Корея.

Вот, например, как описывают сложившуюся в то время в регионе специфическую ситуацию китайские исследователи: «Рассмотрим архитектуру международной политики на Дальнем Востоке накануне японо-китайской войны. Англия [стремилась] непосредственно поддерживать [свои] политические и экономические преимущества на Дальнем Востоке. Россия, граничащая с Китаем и Кореей, обладала рядом географических преимуществ. [Поэтому] соперничество великих держав на Дальнем Востоке шло главным образом между двумя государствами – Англией и Россией. Главной задачей дальневосточной политики Англии было сдерживание России, поэтому Китай и Япония рассматривались ею как силы, которые можно использовать в качестве буфера в деле

противостояния с Россией. Ввиду этого [Англия] не желала, чтобы между Китаем и Японией возникла война, так как были опасения, что китайско-японская война даст России шанс начать агрессию на Дальнем Востоке. Впрочем, в плане отношения к Китаю и Японии чаша весов для английского правительства больше склонялась в сторону Японии. Поскольку, с точки зрения Англии, Япония представляла собой единственную державу, способную противостоять России на Дальнем Востоке, позиция Англии [состояла в том, чтобы] подталкивать цинское правительство идти на уступки Японии, чтобы путём признания захвата Японией Кореи избежать войны.

Использование России для сдерживания Японии являлось последовательным дипломатическим методом Ли Хунчжана¹, и он обращался к России с просьбой взять на себя посреднические функции. Для России главным направлением экспансии в дальневосточном регионе была Корея и северо-восток Китая. Это вело к конфликту со стремлениями Японии к захвату Кореи и северо-восточного Китая. При этом, однако, [он] беспокоился, что однажды Япония захватит Корею, что создаёт опасность для собственных интересов [Китая] на Дальнем Востоке, поэтому [Ли Хунчжан] также надеялся с помощью посредника сдержать Японию. Однако когда Япония оккупировала Корею, несмотря на гарантии об “отсутствии намерений”, Россия тут же заявила, что она придерживается позиции невмешательства в корейский вопрос, и к тому же она беспокоилась, что если в рамках посредничества она склонится в сторону Китая, то это вновь может подтолкнуть Японию к Англии и тем создается выгодная для последней ситуация. Основная тенденция внешней политики Японии состояла в том, чтобы, используя противоречия, существующие между Англией и Россией, добиться того, чтобы и Англия, и Россия при возникновении войны между

¹ Ли Хунчжан (李鴻章, 1823–1901) – один из крупнейших государственных деятелей Цинской империи. Занимал в правительстве ряд ключевых постов: губернатора столичной провинции Чжили (Чжили цзунду 直隸總督), государственного канцлера (Бэй-ян тун-шан дачэнь 北洋通商大臣, или Бэй-ян дачэнь 北洋大臣 – «Министр по торговым делам северных провинций [Китая]») и т. д. В последние десятилетия правления цинской династии во многом руководил внешней политикой Китая.

Китаем и Японией сохраняли нейтралитет. И именно этой внешне-политической цели в целом удалось достичь. Тем не менее дипломатия Ли Хунчжана, предусматривавшая “использование [одних] варваров для управления [другими] варварами” (*и и чжи и 以夷制夷*), в конечном счёте не принесла тех плодов, на которые он рассчитывал» [Юй, Се 2005, с. 390].

Важно отметить, что несмотря на то, что в ряде случаев споры и разногласия между отдельными странами могли доходить до демонстрации военной силы (хотя и в ограниченных условиях конкретной ситуации масштабах), всё же основным способом урегулирования конфликтных ситуаций следует считать дипломатию. В рамках данной статьи хотелось бы остановиться на некоторых аспектах дипломатических контактов трёх, пожалуй, главных действующих лиц в дальневосточной политике накануне японо-китайской войны (1894–1895), а именно: Китая, Японии и Кореи.

Период 1880-х – начала 1890-х гг. в указанных странах оказался исключительно насыщенным разнообразными внешне- и, прежде всего, внутривнутриполитическими событиями. Значимые изменения на мировой арене и непосредственно в дальневосточном регионе запускали или способствовали ускорению трансформации внутри отдельных государств. При этом характер и специфика такой трансформации определялись очень многими факторами, в том числе размерами страны и её географическим положением, особенностями исторического и культурного развития, наличием или отсутствием политической и экономической самостоятельности и т. д. И в этом смысле каждая из стран в рассматриваемом нами «трио» в указанный период представляла собой весьма специфический вариант государственного развития, особенности которого обуславливали возможности функционирования и формы реагирования на внешние «вызовы». Применительно к этим трём государствам эти факторы определили роли, которые им выпало играть в общей ситуации на Дальнем Востоке, и, вероятно, с известной долей неизбежности обеспечили именно тот вариант формирования и развития событий, который в конечном счёте привёл и к японо-китайской войне 1894–1895 гг. и в целом

к радикальным изменениям статуса и положения этих государств на мировой арене в последующие годы.

Нетипичная международная ситуация в регионе в обозначенный период была сформирована во многом специфичностью и определённой противоречивостью – с европейской точки зрения – внешней политики Цинской империи. Китай, раздираемый многочисленными внутривосточными и экономическими проблемами, вынужденный отстаивать свои государственные интересы не только дипломатическим путём, но и в ходе военных действий, причём нередко одновременно на разных направлениях, тем не менее в целом, несмотря на давление внешних сил и обстоятельств, стремился поддерживать и воспроизводить сложившуюся за многие века систему и методы своей имперской дипломатии, существенным принципом которой была вышеупомянутая концепция *и и чжи и*. В рассматриваемое время одним из главных, а фактически и единственным объектом этой традиционной дипломатической системы являлась Корея – давний официальный вассал китайской империи.

В контексте данной статьи важно учитывать два существенных обстоятельства: во-первых, тот факт, что, несмотря на различные внешние факторы, Китай в отношении Кореи всегда старался действовать как сюзерен в том смысле, в каком это было предусмотрено традиционной «даннической» системой. Т. е., говоря упрощённо, вассалитет Кореи имел больше статусное значение, чем фактическое: Китай, хотя формально (в сакральном плане) и «утверждал» кандидатуру нового корейского правителя, но в реальности во внутренние дела Кореи не вмешивался, обеспечивая ей лишь защиту и покровительство в действительно серьёзных ситуациях. И в том числе и благодаря этому влияние и авторитет Китая в Корее вплоть до японо-китайской войны 1894–1895 гг. оставались действительно значительными. И во-вторых, именно внешняя политика Китая, стремившегося, в том числе путём применения концепции *и и чжи и*, сохранить свои позиции сюзерена Кореи и вообще «ведущего» государства на Дальнем Востоке, во многом способствовала формированию того «феномена» международного положения Кореи, а также тех противоречий и кон-

фликтов, которые в конечном счёте привели к разрушению традиционной дипломатической системы Китая и складыванию в дальневосточном регионе новой конфигурации сил.

Фактически благодаря действиям Китая и, прежде всего, канцлера Ли Хунчжана в отношении Кореи была сформирована уникальная, с точки зрения внешней политики и дипломатии, ситуация. По инициативе и при содействии Ли Хунчжана в 1880-е гг. Корея заключила договоры с рядом западных держав, в которых она формально признавалась независимым и самостоятельным государством. Таким образом Ли Хунчжан надеялся обеспечить защиту Кореи, поскольку, по его мысли, иностранные державы должны были «сдерживать» друг друга. При этом Китай не отказывался от своего положения покровителя Кореи. Однако именно эта двусмысленность создала для «заинтересованных» держав возможность в зависимости от конкретной ситуации либо исходить из «независимого» положения Кореи, либо обращаться к Китаю как к её сюзерену, тем самым поворачивая этот концептуальный казус в своих интересах.

Необычность сложившегося в отношении Кореи положения отмечали многие современники – иностранные дипломаты и политики. В частности, характерный «разбор» ситуации находим в работе известного британского дипломата и государственного деятеля Дж. Н. Керзона² “Problems of the Far East” («Проблемы Дальнего Востока»).

Анализируя своеобразное положение, в котором оказалась Корея, Керзон именовал её “shuttlecock among nations” – «игрушка-воланчик (предмет разногласий и споров. – С.А.) между державами». В частности, он писал: «Я использую это выражение как точно описывающее положение Кореи относительно различных держав, имеющих своих представителей в её столице, которые относятся к ней с совершенно различных и в целом несовместимых точек зрения в зависимости от их собственных интересов или предубеждений и в руках которых она поочерёдно – нет, даже одно-

² Джордж Натаниел Керзон (George Nathaniel Curzon, 1859–1925) – английский политик и государственный деятель, вице-король Индии (1899–1906), министр иностранных дел Великобритании (1919–1924).

временно – оказывается под покровительством, вводится в заблуждение с помощью лести, запугивается и получает поощрение. Во всём мире однозначно не существует более необычного политического положение, чем положение этой страны, которая сама заявляет о себе как о независимой и зависимой и может представить убедительное подтверждение в поддержку любой из этих версий, и в отношении которой внешние державы претендуют на положение сюзерена, на контроль, протекторат, альянс, режим наибольшего благоприятствования или формального равноправия, и для каждого варианта предлагается солидное обоснование.

Это любопытное состояние дел возникло, прежде всего, из особого географического положения её как спорной территории между Китаем, Россией и Японией; а во-вторых, из противоречивой политики, реализуемой вышеназванными державами в моменты расчёта или тревоги в отношении позиции или притязаний других. Путём изучения соответствующих позиций, которые занимает или на которые претендует [каждая страна] из этого трио, являющихся главными действующими лицами международной драмы, для которой Корея, независимо от её воли, является сценой, в то время как прочие нации либо играют второстепенные роли в той же пьесе, либо занимают места заинтересованных наблюдателей в зрительском зале, представляется возможным распутать клубок, созданный остроумием или хитростью сильного за счёт слабого» [Curzon 1894, с. 198–199].

Далее, описывая сложившуюся специфическую ситуацию, Керзон отмечает: «Вплоть до момента массовой расправы с французскими миссионерами в Корее в 1866 г. претензии Кореи на независимость никогда серьёзно не выдвигались. И в настоящее время среди всех народов мира этот вопрос был поставлен самими китайцами. [...] Обнаружив свою ошибку и осознав, что иностранца, уже раз получившего возможность вмешаться в корейские дела по своему усмотрению (*proprio motu*), невозможно будет отстранить от установления более близких отношений [с Кореей], Китай попытался исправить свою оплошность, поощрив различные державы к установлению договорных отношений с Кореей на основе независимости, при этом надеясь, очевидно, что их взаимная

подозрительность будет препятствовать формированию доминирующего влияния любой из них. [...] Таково было иррациональное положение, в которое Китай своей политикой, направленной на попытку нейтрализации Кореи, загнал себя и своё вассальное государство» [Curzon 1894, с. 213–217].

Двусмысленность Китая в отношении Кореи Керзон характеризует следующим образом: «Если Китай – это государство-сюзерен, он обладает [...] правом отправить войска в Сеул в случае возникновения волнений [...], в то время как Япония соответствующего права не имеет; при этом любое соглашение между Китаем и другой державой, предусматривающее отказ от этого права, означает и отказ от всех его соответствующих претензий. Если же Китай не является государством-сюзереном, то на какое же право он может претендовать, кроме того, которое в случае войны получает любая воюющая сторона, обладающая достаточной силой для реализации этого права, чтобы отправить войска в Корею?» [Там же, с. 218–219].

В то же время Керзон подчёркивает, что Китай, во многом благодаря своевременным и продуманным мерам, предпринятым Ли Хунчжаном, как в политической сфере (оказание корейскому правительству прямого военного содействия в ходе попыток государственных переворотов в этой стране), так и в области экономики (предоставление Корее финансовой и продовольственной помощи, налаживание работы таможни и т. д.), сумел в известной степени не только компенсировать допущенные дипломатические ошибки, но и значительно укрепить свои позиции в Корее.

И в качестве «проявления» несомненного авторитета и влияния Китая в Корее Керзон называет особое положение в Сеуле китайского представителя Юань Шикая³: «[...] каждый член иностранного дипломатического корпуса в Сеуле, хотя и публично провозглашал себя представителем своего суверенного государства при союзном и равноправном дворе, прекрасно знал, кто здесь реально является “главным”. Китайский резидент, человек гро-

³ Юань Шикай (袁世凱, 1859–1916) – один из крупнейших военных, государственных, политических деятелей конца эпохи Цин – начала периода Китайской Республики (1912–1949). С 1885 г. по 1894 г. занимал должность представителя Китая в Корее.

мадной энергии и способностей, по имени Юань Шикай [фактически] занимает положение “майордома” (Major of the Palace), без ведения которого ничего и без чьего согласия мало что делается. Единственный среди иностранных представителей он имеет право сидеть на аудиенции у короля. Его резиденция, охрана и публичные выезды относятся к числу достопримечательностей Сеула. Разнообразные поборники академической теории независимости Кореи один за другим исчезли со сцены, а китайский резидент остаётся. Он вновь и вновь назначается на свою должность [...], и даже после того, как в 1893 г. в газетах появилось официальное сообщение о его назначении на пост *даотая*⁴ Вэньчжоу в Китае, было ощущение, что его невозможно удалить из Сеула, и он остался. Он – один из немногих китайцев, с которым я встречался и который поразил меня как своей искренностью, так и своим влиянием» [Curzon 1894, с. 220–221].

Характеризуя непосредственные отношения между Китаем и Кореей, Керзон отмечает, что: «политика Ли Хунчжана, хотя и лишь в незначительной степени основана на канонах логики или международных обычаях, не была безуспешной. Каждый логический промах (*faux pas*) был в конечном счёте компенсирован каким-то практическим успехом. Если он сначала отказывался наказывать Корею за нападения на миссионеров и иностранцев, то тем самым он сумел и избежать ответственности за эти жестокие действия. Если он разрешил Корею – вассалу Китая – заключить договоры с иностранными державами, то он в то же время подтвердил своё право выступать в качестве посредника [...]. Следовательно, он может заявлять о том, что таким способом он использовал интересы иностранных держав в качестве противовеса всего лишь двум соперникам, которых Китай серьёзно опасается в Корею, т. е. Японии и России» [Curzon 1894, с. 221–222].

Оценивая фактическое крайне сложное и неоднозначное положение Кореи в контексте международных отношений, Керзон подчёркивает, что она «противостоит с трудом сдерживаемой алчностью России, невероятной скрытой силе Китая и тщеслав-

⁴ *Даотай* 道臺 – начальник округа (эпоха Цин).

ным интересам Японии. Самостоятельно она абсолютно неспособна успешно противостоять любой из этих трёх держав, хотя её государственные деятели не лишены способностей, необходимых, чтобы “натравить” их друг на друга. Её внутренняя природная слабость в действительности составляет её единственную силу, поскольку если бы она обладала достаточной силой, чтобы создать собственный альянс, обладающий значительным весом, она могла бы поддасться искушению предпринять некоторые действия, которые бы однозначно привели к её окончательному поглощению. Те безрассудные люди, которые из своих корыстных мотивов разглагольствуют о её независимости, тем самым предлагают ей подписать собственный смертный приговор. В одиночку она имеет сил не больше, чем младенец; в то же время пока её три великих соседа продолжают бдительно наблюдать друг за другом, Корея, лежащая между ними, может избежать вооружённых действий со стороны любой из них. Теперь же, когда двумя из этих трёх стран брошен вызов друг другу⁵, её территориальная целостность, в отношении которой все три государства, по сути, взяли на себя обязательства, практически превращается в ничто, и восстановить эту целостность будет трудно» [Curzon 1894, с. 231].

В то же время, по мнению Керзона, «единственная надежда для Кореи на продолжение существования как национального государства заключается в сохранении и поддержании её связи с Китаем, которая является желательной с учётом сочетания истории, политики и природных факторов и которая, кроме того, предлагает единственную гарантию для восстановления и сохранения мира. Китай поддерживал жизнеспособность [Кореи] в течение 500 лет, и тень Китая на заднем плане всегда была единственным устойчивым элементом в туманной картине её ничтожной политики» [Curzon 1894, с. 232].

Приведённые выше оценки в целом разделяли многие иностранные дипломаты, работавшие на Дальнем Востоке и имевшие представление о расстановке сил в регионе.

⁵ Цитируемая работа Керзона была подготовлена и опубликована практически к началу японо-китайской войны 1894–1895 гг., поэтому речь в данном случае идёт об усилении противостояния между Китаем и Японией.

Например, практически аналогичным образом «роль» Кореи оценивал российский дипломатический представитель в Токио М. А. Хитрово⁶ (14/26 мая 1893 г.): «Корея, конечно, составляет самую слабую и чувствительную струну в политике мира и спокойствия на крайнем Востоке, и в этом вопросе даже **ничтожное обстоятельство может вызвать неожиданные по размерам последствия** (выделено мной. – С.А.)» [АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 273, л. 319].

В этом контексте и хотелось бы рассмотреть своеобразный политический «казус», возникший внутри и вокруг Кореи в конце 80-х – начале 90-х гг. Речь пойдёт о, по сути, вполне рядовом и малозначимом случае, неожиданно оказавшемся триггером цепи событий и взаимодействия на межгосударственном уровне и известном как «дело о запрете на вывоз зерновых»⁷. По мнению ряда исследователей, это дело, начинавшееся как обычный вопрос из области внешней торговли, переросло в реальную внешнеполитическую проблему и стало одной из причин японо-китайской войны 1894–1895 гг.⁸

Суть дела состояла в следующем.

После того как в 1876 г. Япония, первой из иностранных государств, заключила с Кореей соглашение о дружбе и сотрудничестве, известное как «Канхваский договор»⁹, между двумя странами начали развиваться, хотя и преимущественно односторонние, торгово-экономические отношения, которые в дальнейшем получили более детальное оформление в рамках подписанных между двумя сторонами в 1883 г. «Правил торговли японских подданных в Корее»¹⁰. Существенной частью этих отношений стали

⁶ Хитрово Михаил Александрович (1837–1896) – российский дипломат, переводчик, в 1893–1896 гг. – посланник в Японии.

⁷ В официальных документах рассматриваемого периода эта история обозначена как «дело о запрете [вывоза] зерновых» (яп. бо: коку рэй дзикэн; кит. фан гу лин шицзянь 防穀令事件).

⁸ См., например [Миямото 1945, с. 89–107].

⁹ Яп. Ко:ка дзэ:яку, кор. Канва тэяк, кит. Цзянхуа тяюэз 江華條約 – по наименованию места его подписания, корейскому острову Канхвадо 江華島.

¹⁰ Яп. Тё: сэн коку ни ойтэ Нихон дзиммин бо: эки но кисоку 朝鮮國ニ於テ日本人民貿易ノ規則.

закупки японскими торговцами риса и бобовых у корейских крестьян в ряде районов Кореи, где имелись условия для благополучного развития сельского хозяйства и которые поэтому считались в известной мере «житницей» страны. С определённого момента в практику вошло внесение японскими купцами предоплаты за будущий урожай. Вероятно, следует считать, что в той или иной степени для обеих сторон (хотя, прежде всего, разумеется, для японских торговцев, которые, очевидно, перепродавали корейское зерно на внутреннем рынке Японии существенно дороже его покупной стоимости) эти взаимоотношения были выгодными¹¹.

Формальной причиной рассматриваемой проблемы стали события 1889 г.

Губернатор корейской провинции Хамгёндо на основании случившегося в этом году неурожая, а также мотивируя свои действия обеспечением «продовольственной безопасности» населения Кореи, после соответствующего уведомления центрального правительства в Сеуле объявил временный запрет на вывоз зерновых с подведомственной ему территории. Ввиду аналогичных проблем ещё в некоторых районах корейское правительство в ноябре 1889 г. издало Указ о запрете вывоза зерновых, который должен был действовать в течение одного года.

Эти меры, естественно, вызвали недовольство среди японских торговцев-посредников, которые, потеряв и внесённый аванс, и возможность вывезти зерно, понесли определённые убытки.

В дело вмешался японский представитель в Корею Кавакита Тосисукэ¹², и под давлением Японии указ был вскоре отменён. При этом японской стороной было выдвинуто требование о возмещении Кореей убытков, понесённых японскими купцами. Размер этой компенсации оказался весьма существенным – 146 тыс. йен.

¹¹ Например, японский исследователь Миямото Матадзи оценивал ввоз корейского зерна как существенное дополнение к производственным мощностям сельского хозяйства Японии [Миямото 1945, с. 92], после реставрации Мэйдзи (1868 г.), переживавшей сложный этап ускоренного экономического и политического развития.

¹² Кавакита Тосисукэ (河北俊弼, 1844–1891) – японский дипломат, 1890–1891 гг. – японский посланник в Корею.

Корейское правительство, основываясь на данных проведённой проверки, настаивало на неправомерности указанной суммы возмещения, соглашаясь оплатить не более 60 тыс. йен.

Соответствующие переговоры между Японией и Кореей, начатые японским посланником Кавакита, были продолжены и его преемником Кадзияма Тэйсукэ¹³, однако без какого-либо результата.

Отметим существенную деталь: в течение нескольких лет эти переговоры и само дело в целом развивались достаточно вяло, и, судя по всему, обе стороны относились к рассматриваемому вопросу как к вполне обычной экономической ситуации, не имевшей принципиального, глобального значения (каковой, собственно, эта ситуация изначально и являлась).

Тем не менее положение стало меняться в 1893 г., что, как следует полагать, было связано с переменами и общей активизацией внутривнутриполитической обстановки в Японии.

Жёсткая внутривнутрипарламентская борьба осложнялась не только противоречиями между позициями и определёнными концептуальными разногласиями членов различных политических партий, но и конфликтом интересов между представителями исторически сложившихся влиятельных группировок Тёсю (*Тё:сю: хан* 長州藩) и Сацума (*Сацума хан* 薩摩藩), мнениями относительно роли императора в реальной политической жизни страны и т. д. Кроме того, именно к началу 1890-х гг. в Японии исключительную значимость и влияние набирает общественное мнение, не учитывать которое вряд ли кто-либо из политиков мог себе позволить.

Таким образом, ускоренная модернизация Японии в сфере экономики, внутренней политики и общественной жизни вела к известному «перегреву» ситуации внутри страны, который, по-видимому, должен был найти выход вовне. Как отмечает российская исследовательница М. К. Ковальчук, «XIX век принёс новые заботы, и японская правящая элита вновь обратила свой взор на Корею. На этот раз с успешной японской экспансией на полуостров стали связывать судьбу японской модернизации» [Ковальчук 2005, с. 43].

¹³ Кадзияма Тэйсукэ (梶山鼎介, 1848–1933) – японский военачальник эпохи Мэйдзи, политик, дипломат. В 1891–1892 гг. – посланник в Корею.

Общий рост националистических настроений внутри страны, стремление к успешному противостоянию с двумя очевидными конкурентами на Дальнем Востоке – Китаем и Россией, усилия, направленные на пересмотр неравноправных договоров и вывод Японии на лидирующие позиции – всё это заставляло японских государственных деятелей обращать свои взгляды в сторону Кореи как очевидному «средству» геополитической борьбы. В 1890 г. министр внутренних дел Ямагата Аритомо¹⁴ отмечал: «Если мы хотим сохранить национальную независимость и встать в один ряд с великими державами Запада, необходимо сделать шаг вперёд и защитить нашу линию интересов. Очень важно всегда находиться в наиболее выгодной позиции, а не довольствоваться только защитой суверенитета. [...] Наша линия интересов проходит в Корею» [Ковальчук 2005, с. 93–94].

К потенциальным противникам Японии на Дальнем Востоке Ямагата закономерно относил Россию, Великобританию и Францию, в то же время высказывая мнение о вероятности конфликта с Китаем: «В настоящее время высокомерная позиция китайцев в Корею, противоречащая интересам Японии, показывает, что рано или поздно нам следует ждать великой войны на континенте» [Ковальчук 2005, с. 94].

В целом если Корея для Японии безусловно являлась «точкой приложения сил», а например, Россия – вполне очевидным источником потенциальной угрозы, то в отношении Китая позиции японских правящих кругов не были столь однозначными.

В отличие от «партии войны», высказывавшейся за энергичные (вплоть до вооружённых) действия на континенте, «партия мира», к которой, принадлежал, прежде всего, Ито Хиробуми¹⁵, настаивала скорее на разумном сближении с Китаем.

Определённые «флуктуации» отношения Японии к Китаю описаны, например, в отчётах российского дипломатического

¹⁴ Ямагата Аритомо (山県有朋, 1838–1922) – японский военачальник, генерал, начальник Генерального штаба армии (1878–1882, 1884–1885, 1904–1905), политический деятель. Министр внутренних дел (1883–1890).

¹⁵ Ито Хиробуми (伊藤博文, 1841–1909) – выдающийся государственный деятель Японии, министр внутренних дел (с 1878 г.), первый (а также пятый, седьмой и десятый) премьер-министр Японии.

представителя в Токио Д. Е. Шевича¹⁶ о его беседах с японским министром иностранных дел Окума Сигэнобу¹⁷ (1888 г.). Так, в разговоре, имевшем место в марте 1888 г., граф Окума по поводу Китая отметил, что «прежнее враждебное отношение этого государства к Японии [...] ныне постепенно улучшается благодаря примирительной и мудрой политике, которой следовали за последнее время предшественники его и которой он сам намерен безусловно придерживаться, будучи убеждён в том, что сближение с Китаем составляет для Японии одно из основных условий её благосостояния» [АВПРИ, ф. 150, оп. 529, д. 39, л. 33].

В то же время в отчёте Шевича от начала сентября 1888 г. мы находим следующее описание беседы с японским министром иностранных дел: «За последнее время, – сказал граф Окума, – китайское правительство, с которым, как Вам известно, мы всячески старались установить дружественные связи, начало снова относиться к нам самым недоверчивым образом не только по поводу своих корейских недоумений, но и на почве торговых сношений с Японией. Так, например, вследствие биржевого повышения цены на японскую медь, в которой так нуждаются китайцы, они заподозрили нас в умышленном желании действовать против китайских интересов, причём явно высказали убеждение, что Япония, чувствуя себя не в силах открыто бороться с постоянно возрастающим могуществом Китая, всячески старается ныне навредить ему на торговой и экономической почве».

По мнению моего собеседника, недавнее появление японской эскадры в китайских и корейских портах также отчасти возбуждало подозрительность китайцев, вероятно не понимающих, что японский военный флот имеет точно такое же право, как и морские силы прочих держав, крейсировать где ему угодно и заходить в любые порты дружественных с Японией государств.

¹⁶ Шевич Дмитрий Егорович (1839–1906) – российский дипломат. В 1886–1892 гг. – посланник в Японии.

¹⁷ Окума Сигэнобу (大隈重信, 1838–1922) – японский государственный и политический деятель, дипломат, финансист. 8-й и 17-й премьер-министр Японии. Министр иностранных дел в нескольких кабинетах.

“Подозрительность китайцев, – заключил граф Окума, – не может, однако, помешать нам действовать, как нам удобнее. Мы решились не обращать более на их щекотливость ни малейшего внимания, и морской министр в главе японской эскадры совершит предполагаемое плавание по берегам Кореи и во Владивосток, нисколько не заботясь о том, что об этом будут думать в Пекине”» [АВПРИ, ф. 150, оп. 529, д. 39, л. 164, 164 об].

В то же время в донесении Шевича от начала января 1891 г. приводится следующее описание внутривосточной ситуации в Японии: «[...] с некоторых пор здесь происходит довольно заметный поворот от политики сосредоточенности и уединения к более активной и воинствующей. Направление это обрисовывается пока лишь слабыми чертами и может даже до некоторой степени быть приписано желанию нынешнего Кабинета произвести диверсию в борьбе своей с внутренними затруднениями, коими он окружён. Но это предположение отнюдь не отнимает важности от могущих обнаружиться последствий такого направления. С общественным мнением нельзя шутить безнаказанно, особенно в Японии, где умы склонны к самообольщению, и честолюбивые вождения находят благоприятную почву.

Из парламентских заявлений японских министров явствует, что Япония будет отныне деятельно заботиться о своих внешних интересах. Министр иностранных дел в своей речи прямо указал на Китай как на единственную державу, с которой сближение возможно и даже необходимо.

С другой стороны, политика Японии по отношению к Корее, по-видимому, также подвергается в настоящую минуту чувствительному изменению в смысле ослабления прежней бдительности её в вопросе о независимости Кореи от Китая.

[...] Кабинет Курода – Окума¹⁸ довершил было дело отчуждения между обеими империями, но после падения этих министров

¹⁸ Речь идёт о правящем кабинете (1888–1889), во главе которого находились премьер-министр Курода Киётака (黒田清隆, 1840–1900) и Окума Сигэнобу в качестве министра иностранных дел. Преемником Куроды на посту премьер-министра стал Ито Хиробуми, что, помимо прочего, обусловило определённые изменения внешнеполитического курса Японии.

мысль о сближении с Китаем снова стала пробиваться здесь под покровительством английского и германского представителей.

[...] К тому же общественное мнение Японии начинает снова высказываться в пользу сближения с Китаем “как единственного способа предотвратить последствия возрастающего влияния России в Корее” [АВПРИ, ф. 195, оп. 529, д. 42, л. 1 об, 2, 2 об].

Подчеркнём, что проблематика взаимоотношений Японии с Китаем, в том числе и в связи с Кореей, сохраняла безусловную актуальность в японской внешней политике вплоть до войны 1894–1895 гг.

Несомненный «накал» внутривнутриполитической обстановки в Японии выразился и в том, что в 1893 г. кабинет во главе с Ито Хиробуми предпринял активные меры к разрешению затянувшейся на несколько лет «корейской проблемы», причём, как представляется, решение этого вопроса было средством к урегулированию сложной внутривнутриправительственной ситуации, а также своего рода ответом на запросы японского общества.

Японское правительство начинает в известной мере заново «формировать» проблему, подводя под неё более конкретное обоснование и усиливая давление на корейскую сторону. В частности, Ито Хиробуми в одном из своих докладов отмечал: «В настоящее время главными оставшимися нерешёнными внешнеполитическими вопросами являются дело о запрете на вывоз зерна из Кореи и вопрос о консульской юрисдикции между Японией и Португалией. Дело об указе о запрете вывоза зерновых [состоит в следующем]: согласно статье 37 Договора о торговле, заключённого между Японией и Кореей в 16-м году Мэйдзи (1883 г.), в случае возникновения каких-либо неблагоприятных обстоятельств, в том числе наводнений, засухи или вооружённых беспорядков, если правительство Кореи имеет намерение на некоторое время прекратить экспорт зерновых, то за один месяц до соответствующего срока местные власти обязаны уведомить японское консульство, и далее есть оговорка о том, что это должно быть сделано. Тем не менее в период с сентября 22-го года Мэйдзи (1889) до апреля следующего года корейское правительство, несмотря на то, что был богатый урожай зерновых и, кроме того, не были соблюдены формальности,

предусмотренные вышеупомянутым договором, без уважительной причины издаёт указ о запрете вывоза зерна, [вследствие чего] экспорт зерновых был остановлен, [тем самым создались] препятствия для перевозки зерновых нашими подданными либо происходило изъятие денег и товаров, которые у них были при себе. Поскольку нашим подданным был причинён огромный ущерб, наше правительство, [естественно], потребовало возмещение убытков на основании нарушений, предусмотренных указанным договором. И хотя [удалось] заставить правительство Кореи отменить этот указ, [но] чтобы [добиться] выплаты компенсации, переговоры продолжались при двух кабинетах – Ямагата и Мацуката, и в конце концов, поскольку ни к какому решению прийти не удалось, дело оказалось отложено вплоть до периода моего пребывания [в качестве главы] Кабинета» [Ито 1942, с. 907].

Таким образом, в качестве обоснования своего иска Япония указывала на нарушение корейской стороной 37-й статьи¹⁹ Правил торговли от 1883 г., а конкретно обвиняла корейцев в том, что они не уведомили своевременно²⁰ (т. е. за один месяц) японских представителей о планируемом введении запрета на экспорт зерна, как это предусматривалось указанным двусторонним соглашением. Кроме того, несмотря на то, что указанный запрет был корейскими властями

¹⁹ Статья 37 Правил торговли японских подданных в Корее (1883) имеет следующее содержание: «В случае если в Корее вследствие таких событий, как засуха или вооружённые беспорядки, внутри страны возникнет угроза нехватки продовольствия и корейское правительство выразит намерение на некоторое время запретить вывоз зерна, [оно обязано] за один месяц до этого через местные власти направить [соответствующее] извещение в японские консульства, [чтобы они могли] заблаговременно сообщить об этом находящимся в портах японским купцам, указав им на необходимость соблюдения [этого приказа]. Ввоз и вывоз зерна в равной мере облагается 5% налогом. Тем не менее если стихийное бедствие случится в Корее и будет необходим ввоз, либо если подобное произойдёт в Японии и потребуется вывоз, то в таком случае официальным уведомлением налог на ввоз/вывоз должен быть отменён» [IASA] (отрывок из документа на японском языке представлен в переводе автора).

²⁰ Хотя, по всей видимости, подобное уведомление всё же имело место. Это, в частности, следует из сообщения российского дипломатического представителя в Корее П. А. Дмитриевского (1893), в котором на основании официального сообщения президента корейской Коллегии иностранных дел на имя японского представителя в Сеуле от 1889 г. утверждается, что президент Коллегии должным образом, согласно статье 37 договора, известил японского представителя, прося объявить о запрете на экспорт японским купцам, однако японский представитель отказался сделать такое объявление, оспаривая необходимость запрета [АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 4, л. 80 об].

ми очень быстро отменён и, соответственно, финансовые потери японских торговцев были не так уж велики, японская сторона в дополнение к первичному требованию выплаты компенсации стала настаивать на необходимости уплаты корейцами процентов, якобы начисленных на невыплаченную ими изначальную сумму долга за все прошедшие годы. При этом японская сторона игнорировала все протесты властей Кореи, в том числе и подкреплявшиеся документально подтверждёнными результатами проверок, проведённых корейскими компетентными органами в связи с данным делом²¹.

В целом японские власти, следуя общим националистическим настроениям в обществе, начали усиливать давление на Корею. В 1892 г. правительство Японии направило в Сеул специальную миссию во главе с директором Торгового управления Министерства иностранных дел Хара Такаси²², который при содействии японского министра-резидента Кадзияма Тэйсукэ провёл переговоры с корейским правительством по согласованию суммы компенсации, однако вскоре миссия была вынуждена вернуться, не добившись желаемого результата. В этой связи российский представитель в Сеуле П. А. Дмитриевский²³ замечает, что «эти переговоры также не привели ни к какому результату, но послужили, кажется, поводом к отзыванию отсюда г. Кадзияма, как советовавшего своему правительству принять предложение корейцев» [АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 4, л. 82].

Предельным выражением давления со стороны Японии стало назначение в Сеул в качестве очередного дипломатического представителя Оиси Масами²⁴.

²¹ Полный текст сообщения президента корейской Коллегии иностранных дел, направленный министру-резиденту 25 февраля / 9 марта 1893 г. в связи с рассматриваемым делом представлен в Приложении 1. Перевод документа был выполнен российским дипломатическим представителем в Сеуле П. А. Дмитриевским.

²² Хара Такаси (原敬, 1856–1921) – японский государственный и политический деятель, дипломат.

²³ Дмитриевский Павел Андреевич (1852–1899) – российский дипломат, китаист. В 1891–1895 гг. находился в Корее, где управлял российским дипломатическим представительством в связи с временным отъездом поверенного в делах К. И. Вебера.

²⁴ Оиси Масами (大石正巳, 1855–1935) – японский политический деятель, член Палаты представителей (нижняя палата парламента Японии). В 1892–1893 гг. – японский министр-резидент в Корею.

Оиси Масами не был профессионально связан с дипломатией, однако с самого начала, фактически начиная с обучения в Школе по определению цели [в жизни] (*Рисси гакуся* 立志学舎) – учебном заведении, созданном представителями Общества по определению цели [в жизни] (*Риссия* 立志社, также «Общество свободомыслящих») – ведущей политической структуры «Движения за свободу и народные права» (*Дзию: минкэн ундо*: 自由民権運動), выступавшей с позиций либерализма, выстраивал карьеру политика. Являлся членом Общества по определению цели в жизни; с 1880 г. – один из основателей и лидеров *Дзию: то*: 自由党 («Либеральная партия»). По причине разногласий с другими партийными лидерами Оиси вышел из *Дзию: то*: и отправился в Америку. По возвращении присоединился к Движению объединения²⁵ и занял в нём одну из ведущих позиций, находясь в «лагере» Гото Сёдзиро²⁶. Являлся главным редактором издания «Политическая дискуссия» (*Сэйрон* 政論), однако был заключён в тюрьму по обвинению в нарушении законодательства о печати. После выхода из тюрьмы по амнистии в 22-м году Мэйдзи (1890) отправился в Англию и по возвращении был назначен на должность министра-резидента в Корею.

Очевидно, что причиной для назначения Оиси Масами на должность дипломатического представителя стали отнюдь не его навыки в области дипломатии, а определённая многоходовая борьба внутри японского правительства и парламента. Как отмечает японский исследователь Фукуда Кадзуя, Оиси Масами «был рекомендован Ито Хиробуми и Иноуэ Каору²⁷, однако это не значит, что эти два человека были высокого мнения о дипломатических способностях Оиси, это были всего лишь парламентские мероприятия. Оиси занимал твёрдую позицию в отношении

²⁵ Движение объединения (*Дайдо: данкэцу ундо*: 大同団結運動) – одно из направлений «Движения за свободу и народные права». Действовало в 1886–1891 гг.

²⁶ Гото Сёдзиро (後藤象二郎, 1838–1897) – японский государственный и политический деятель. Один из лидеров либерального движения. С конца 80-х гг. настаивал на объединении с консервативными элементами в целях разработки внутренней политики, направленной на сохранение стабильности Японии, и внешней политики, формирующей почву для японской территориальной экспансии.

²⁷ Иноуэ Каору (井上馨, 1836–1915) – японский государственный деятель, министр иностранных дел (1885–1887), заместитель премьер-министра и министр внутренних дел (1892–1894), министр финансов (1898).

Кореи, однако эта позиция была абсолютно лишена дипломатического этикета и вызывала сочувственные улыбки среди посланников других стран. И [проводившиеся им] переговоры также не имели успеха» [Фукуда 2013, с. 329].

Оиси Масами получил достаточную известность благодаря своим националистическим взглядам, которые, в частности, были представлены им в вышедшей в 1892 г. книге «Два главных направления политики Японии» (*Нихон но ни дай сэйсаку* 日本之二大政策). Определённая характеристика данной публикации и её автора содержится в сообщении российского поверенного в делах в Сеуле П. А. Дмитриевского на имя товарища министра иностранных дел Н. П. Шишкина²⁸ (24.02.1893): «Сочинение (Оиси Масами. – С.А.) издано в прошлом году в Токио и, по-видимому, произвело сильное впечатление в Японии, доставившее автору прямо пост министра-резидента, хотя до сего времени он не занимал никакой официальной должности. [...] Автор – демократ, республиканец и русофоб самого сильного оттенка – верный представитель русофобских идей лондонского “Times” и шанхайских английских газет, которыми он широко пользовался для составления своей книги» [АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 4, л. 15, 15 об].

Таким образом, вероятно, важной целью Ито Хиробуми при назначении Оиси Масами представителем в Корею была определённая «нейтрализация» радикального «крыла» и установление нужного баланса сил в японском парламенте и правительстве, что обеспечило бы Ито возможность продвигать далее свой политический курс²⁹. По всей видимости, в известной мере эти планы удалось реализовать, и Оиси Масами после завершения своей миссии

²⁸ Шишкин Николай Павлович (1830–1902) – российский государственный деятель. С 1891 г. – товарищ министра иностранных дел. В период с 1891 по 1896 г. неоднократно исполнял обязанности временно управляющего МИД. Министр иностранных дел России в 1896–1897 гг.

²⁹ В этом контексте приведём цитату из работы японской исследовательницы Кубо Нобуко: «В ноябре 1891 г. (24-й год Мэйдзи) были начаты переговоры по этому делу. В отношении компенсации убытков, которую японская сторона требовала в размере 147 000 иен, корейская сторона выдвинула требование о её существенном снижении – до 60 000 иен. И поскольку ни одна из сторон не хотела уступить, переговоры затянулись на длительный срок. Потерпевшие – торговцы зерном – параллельно с активными действиями по направлению петиций в МИД оказывали давле-

был с почётом принят в Японии, хотя в реальности его работа как дипломата может оцениваться скорее как негативная, а её результаты – сомнительными.

Отметим, что Оиси Масами, командированный в Корею фактически специально для урегулирования «дела о запрете на вывоз зерновых», практически с момента своего прибытия в Сеул занял весьма прямолинейную, некорректную позицию, граничащую с откровенным неуважением по отношению к высшим сановникам и даже к самому правителю Кореи. Такое поведение японского представителя было отмечено как всеми находившимися в то время в Сеуле иностранными дипломатами, так и исследователями данной темы в последующее время. Примечательно в этом контексте следующее «дополнение к портрету» Оиси Масами, содержащееся в докладе российского представителя в Сеуле П. А. Дмитриевского (24.02.1893, № 14): «Назначение г. Оиси на пост министра-резидента здесь не изменило его радикальных политических убеждений. По прибытии в Чемульпо на обеде, данном ему японскими купцами в этом порте, и затем в Сеуле, на банкете в честь его также японских только купцов (3 февраля), он произнёс две речи (по полтора часа каждая) политического характера. В обеих он настаивает на необходимости союза Японии, Китая и Кореи, даёт увещания купцам всеми силами стремиться к развитию японской торговли, порицает препятствия, представляемые для этого иностранными купцами, протестует против положения, занятого иностранцами на востоке – положения хозяев и распорядителей,

ние на политические партии, и в декабре 1892 г. (25-й год Мэйдзи) этот вопрос был принят на рассмотрение Парламентом.

Министр иностранных дел Муцу Мунэмицу (1844–1897) на запрос членов Либеральной партии (*Дзюто*;) касательно дела о компенсации убытков от приказа о запрете вывоза зерновых ответил, что этот вопрос уже решён политически и что затягивание переговоров о сумме компенсации является неизбежным. Однако этот ответ не был принят.

Ито Хиробуми после ухода с поста премьер-министра Кабинета первого созыва занимал должности первого председателя Тайного совета (04.1888 – 10.1889) и первого председателя Верхней палаты (10.1890 – 07.1891), а в августе 1892 г. (25-й год Мэйдзи) был вновь назначен на пост премьер-министра Кабинета. Ито, видевший, что будет трудно продолжать политический курс без понимания со стороны парламента, после консультации с министром иностранных дел Муцу спешно назначил члена Либеральной партии Оиси Масами (1855–1935) министром-резидентом и направил его в Корею» [Кубо 2013, с. 81].

тогда как они только гости, и чтобы возбудить вражду к иностранцам в своих соотечественниках, толкует, что так называемый иностранцами “восточный вопрос” состоит в том, чтобы выказывать презрение иностранцев к народам востока. Речи г. Оиси напечатаны в экстрактах в чемульпоской³⁰ японской газете [...]. В своих речах г. Оиси, по собственному заявлению, принуждён сдерживать себя, чтобы не превысить данные ему правительством инструкции» [АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 4, л. 16 об, 17, 17 об].

При этом практически все связывали такой способ ведения дел с отсутствием у Оиси Масами ключевых навыков и практического опыта в области дипломатии. Безусловно, не отрицая значимости и этого фактора, можно также предположить, что подобное поведение и образ действий были, если и не рекомендованы, то вполне ожидаемы определёнными кругами в японском правительстве во главе с Ито Хиробуми. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что хотя в связи с жалобами корейского правительства на вызывающее поведение японского представителя МИД Японии и направлял Оиси предписания касательно более корректного поведения, однако каких-либо прямых дисциплинарных санкций в отношении его применено не было.

Вот что, в частности, в этой связи отмечал российский дипломатический представитель в Японии М. А. Хитрово (14/26 мая 1893 г., № 25): «[...] Г. Муцу постоянно уверял как бывшего нашего Поверенного в делах, так и меня, что после посланных им г-ну Оиси внушений он, конечно, переменит свой образ действий, постоянно давая нам понять, что и самое назначение г-на Оиси в Сеул имело лишь целью удаление этого беспокойного депутата и публициста из Токио. Но едва ли г. Муцу был вполне чистосердечен во всех этих объяснениях.

Как бы то ни было, за последнее время г. Оиси, которого образ действий нисколько не изменился, наделал порядочно хлопот японскому правительству и чуть-чуть не переполошил весь крайний Восток вызванным им последним японо-корейским инцидентом.

³⁰ Т. е. в газете, издававшейся в Чемульпо (открытый порт в Корее).

[...] В разговорах министр иностранных дел, хотя и не оправдывая образа действий г-на Оиси, тем не менее, всегда отзывался несколько уклончиво на прямой вопрос: действует ли г-н Оиси в силу данных ему инструкций или в свою голову? С другой стороны, последние резкие выходки японского посланника в Корею случайно или неслучайно совпали с целым рядом побочных обстоятельств, придававших в глазах общественного мнения выходкам этим особенное значение. Поездка в Корею помощника начальника японского Главного штаба генерала Каваками³¹, некоторая необычная деятельность в здешних военном и морском ведомствах и, в особенности, шовинизм, проявившийся в некоторой части здешней прессы по поводу неудач, испытываемых японским посланником в Сеуле в его требованиях о вознаграждении японских купцов за якобы понесённые ими убытки вследствие запрещения корейским правительством вывоза из Кореи зерновых продуктов в 1889 г. – всё это вместе взятое и совпавшее с резкими и настойчивыми требованиями г. Оиси, закрепившимися поставленным им корейскому правительству ультиматумом, не могло не произвести некоторого переполоха как в Корею, так и в Китае.

[...] [Г. Муцу] отнюдь не оправдывал действий г. Оиси; напротив, он вполне признавал, что своей резкостью и бестактностью г. Оиси лишь усложнил дело, само по себе вовсе не особенно важное. “Но что же делать? – прибавил он. – Теперь Оиси поставил нас в необходимость его поддерживать; теперь мы можем лишь настаивать на его требованиях; впоследствии же мы разберём его действия и, конечно, уберём его из Кореи, если положение, которое он себе там создал, и неудовольствия, которые он против себя возбудил, окажутся вредными нашим интересам”.

При этом г. Муцу пустился в длинные объяснения тех трудностей, в которые он поставлен настоящим инцидентом. “У нас, – сказал он, – при нашем парламентском режиме всякий вопрос легко превращается в орудие против министерства. Здесь речь идёт о вознаграждении, требуемом не японским правительством,

³¹ Каваками Сороку (川上 操六, 1848–1899) – японский генерал, один из ведущих стратегов в императорской армии Японии в ходе японо-китайской войны 1894–1895 гг.

а частными лицами – японскими купцами. Все эти заинтересованные лица вопят против нас, упрекая нас в слабости, в недостаточной энергии при защите наших коммерческих интересов. Мы же со своей стороны готовы были предоставить корейскому правительству всевозможные льготы и помочь ему в заключении возможно выгодного займа для удовлетворения наших купцов уплатой суммы, в сущности, весьма незначительной. Сумма эта, допуская даже все преувеличения, не превышает 70 тыс. йен (около 250 тыс. рублей). Но, к сожалению, ничтожная эта сумма распределяется не между несколькими крупными купцами, на которых можно было бы повлиять, дабы добиться значительной уступки по претензиям, а между целой массой мелких торговцев (их до 40), которые своими воплями волнуют прессу и общественное мнение”. “В том-то, – заключил он, – я и обвиняю г. Оиси, что он, быть может, гораздо более гнался за своей личной популярностью в Японии, нежели за достижением серьёзных результатов”» [АВПРИ, ф. 188, оп. 761, д. 273, л. 318 об-320, 323, 323 об, 324].

Итак, Оиси Масами было поручено форсировать решение «дела о запрете на вывоз зерновых». Вот как описывает эту ситуацию П. А. Дмитревский: «Почти тотчас же по приезду сюда г. Оиси им снова начаты были переговоры по вопросу о возмещении убытков японских купцов в Уонсане³², причём сумма этих убытков была увеличена на 28 590 долларов в виде процентов на первоначально предъявленный в декабре 1891 года иск в 147 166 долларов. Корейцы, не имея денег уплатить такую сумму, сначала были уstraшены настойчивостью г. Оиси, но потом, подбодрившись, обратились за советом к помощнику генерала Лежандра³³ г. Greathouse³⁴, который на основании публикуемых во всеобщее

³² Уонсан 元山 – кор. Вонсан, яп. Гэндзан/Генсан – город-порт в Корее.

³³ Лежандр (Ле Жандр) Чарльз (Charles William Joseph Emile Le Gendre, 1830–1899) – американский офицер (участник Гражданской войны в США 1861–1865), дипломат. В 1866–1872 гг. – консул США в Сямэне 厦門, Китай. Советник при Министерстве иностранных дел Японии (1872–1875), советник корейского короля Коджона (1890–1899).

³⁴ Грейтхаус Кларенс Риджли (Greathouse Clarence Ridgley; 1846–1899) – американский журналист, юрист и дипломат. В 1886–1890 гг. – консул США в Йокогаме, Япония. В 1890 г. был нанят в качестве юридического советника корейского правительства.

сведение отчётов таможен в открытых портах Кореи, вычислил, до какой суммы могли простираться убытки японских купцов. [...] причём сумма, предложенная корейцами японцам, определилась только в 47 575 долларов.

[...] г. Оиси отказался принять сообщение президента³⁵ и заявил, что такое сообщение составляет оскорбление японского правительства. Конференции президента с г. Оиси продолжались по 6 и 7 часов зараз, и, отказавшись принять сообщение во второй раз, 27 февраля, г. Оиси заболел, не опустив, впрочем, сообщить своему правительству сущность предложения корейцев. Прилагаемые протоколы, конечно, далеко не вполне обрисовывают поведение г. Оиси на совещаниях. Некоторые наиболее неприличные выходки его не упомянуты из очень естественного чувства стыдливости самих корейцев, которыми протоколы писаны. Г. Оиси угрожал президенту спуском флага Миссии, своим выездом и войной, и когда это не подействовало, выругал его дураком. До и во время совещаний я виделся с президентом несколько раз, и оскорбление, нанесённое ему г-ном Оиси при свидании 26 февраля, произвело на него удручающее впечатление. Я старался подбодрить его, но, по-видимому, президент не был уверен, что некоторые корейские мандарины не поддерживают г. Оиси и не стараются сбить президента с места, интригуя против него в совете короля, и потому третьего дня он подал прошение об отставке. Такой шаг президента объясняется также желанием его выяснить твёрдость своего положения среди своих товарищей. Король вчера отказал ему в отставке, благоприятно отозвавшись о его характере и деятельности, что указывает, что корейское правительство не намерено уступать японцам. Болезнь г. Оиси была притворная, и из частных достоверных сведений мне известно, что он посетил многих корейских мандаринов, инсинуируя против президента и стараясь добиться его отставки. Корейцы, по слухам, намерены перенести ведение дела в Токио и отправить своего посланника туда со специальным поручением вести переговоры по этому делу с японским Министерством иностранных дел» [АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 4, л. 82 об-83 об].

³⁵ Речь идёт о главе Коллегии иностранных дел Кореи.

В исследовании Н. Кубо действиям Оиси даётся следующая характеристика: «Молодой, не обладавший опытом дипломатической работы Оиси Масами, незнакомый с дипломатическими манерами и методами и не имевший никаких контактов в верхушке корейского правительства, оказался в положении, когда ситуация вышла из-под контроля. 4-го апреля Оиси Масами в телеграмме японскому правительству вместе с докладом о положении дел высказал мнение о том, что корейскому правительству необходимо направить ультиматум, а если противная сторона его не примет, то не следует отказываться и от применения военной силы. Получив это послание, министр иностранных дел Муцу в тот же день направил на имя посланника Оиси ответную телеграмму с приказом не предпринимать никаких действий до получения новых указаний» [Кубо 2013, с. 81].

Таким образом, своими действиями японский представитель действительно настроил против себя и корейское правительство, и находившихся в Сеуле иностранных дипломатов. Это отнюдь не способствовало успеху переговорного процесса. И фактически «последней каплей», переполнившей чашу терпения корейцев, стало вызывающее поведение Оиси на аудиенции у короля Кореи.

П. А. Дмитриевский по этому поводу приводит следующее описание (отчёт от 06.05.1893, № 37): «Дней десять тому назад при- была в Сеул партия японцев из 6 человек с генералом Каваками – помощником начальника японского Главного штаба, во главе. 22-го сего апреля по просьбе японского представителя здесь, г. Оиси, им была дана аудиенция у короля. Представлял их его величеству г. Оиси. По окончании аудиенции, когда удалились другие японцы, г. Оиси остался в аудиенц-зале и заявил королю, что он имеет нечто передать ему. На вопрос короля, что он имеет передать, г. Оиси вынул свёрток исписанной бумаги и хотел вручить его королю. Король отказался принять, сказав, что не может принять письменное заявление г. Оиси. Г. Оиси возразил, что он должен передать своё заявление королю по предписанию своего правительства. Его величество ответил, что для письменных сношений с иностранными представителями учреждена в Корее Коллегия иностранных дел, куда и должно адресоваться с заявлениями

по делам. Король предпишет президенту Коллегии иностранных дел точным и тщательным образом разобрать дело, о котором хлопочет г. Оиси, и решить его самым справедливым и беспристрастным образом. Японский представитель сказал на это, что он не может уйти из залы, не передав королю своей рукописи. Король повторил, что не может принять документа, и что если г. Оиси не имеет сказать ничего более, то может удалиться. Г. Оиси настаивал, что он должен передать бумагу. Тогда Вице-президент Коллегии иностранных дел Ким – старик высокого роста с длинной седой бородой и грубым голосом, – сказал г. Оиси, что если Его Величество приказывает ему удалиться, то он должен уйти. Король подтвердил слова Кима, сказав, что г. Оиси может удалиться. Г. Оиси удалился.

Рассказ об этом вечером 22-го же апреля был передан мне генералом Лежандром. Утром 23-го апреля я сообщил содержание его нашему посланнику в Токио по телеграфу. Около полудня 23-го апреля я получил подтверждение рассказа через своего переводчика от президента Коллегии иностранных дел. [...] Согласно всем рассказам, король был очень рассержен настояниями г. Оиси, и предложения ему удалиться были даны очень громким и твёрдым голосом.

[...] Король был сильно недоволен ещё тем, что г. Оиси, генерал Каваками и другие японцы явились на аудиенцию в частном платье, а не в мундирах. Никогда прежде японцы этого не делали [...]» [АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 4, л. 124–125 об].

Японский исследователь К. Фукуда характеризует ситуацию следующим образом: «3 мая Оиси, получивший правительственный приказ потребовать от корейского правительства в течение двух недель дать определённый ответ по делу о запрете вывоза зерновых, на следующий день выказал опрометчивость, [пытаясь] надавить на короля Кореи в ходе аудиенции для получения ответа. Поскольку такое поведение было чрезвычайно грубым, 11-го числа прибывший в Японию корейский поверенный в делах обратился в Министерство иностранных дел [Японии] с соответствующей жалобой» [Фукуда 2013, с. 329]. И далее К. Фукуда приводит следующую запись из дневника японского дипломата Хара Такаси: «Этот

грубый промах стал следствием абсолютного отсутствия опыта в дипломатической сфере» [там же].

Ситуация фактически зашла в тупик. В этих обстоятельствах японский правящий кабинет, стремясь всё-таки избежать прямого военного конфликта, обратился за помощью к Китаю. Как признавал в своём докладе Ито Хиробуми: «Наше правительство, зная о том, что Корея за спиной чувствует поддержку Китая, приняло решение через Оиси провести переговоры с находившимся тогда представителем Цинской империи Юань Шикаем и направило [Оиси] инструкцию, в которой говорилось о необходимости настаивать, что величина компенсации должна составлять 144 000 йен. Оиси, получив эту инструкцию, сразу же встретился с Юань Шикаем и попросил его содействия для воздействия на правительство Кореи, чтобы в кратчайшие сроки разрешить вопрос об указе на запрет вывоза зерновых. Юань Шикай согласился с этим, и к 30-му апреля направил [Оиси] сообщение о том, что корейское правительство в качестве компенсации за запрет на вывоз зерновых из Гэндзана не сможет заплатить больше 60 000 йен, ответственности в связи с запретом на вывоз зерна из района Хванхэдо³⁶ не признаёт и это решение – окончательное. Также было указано, что китайское правительство уже полностью сделало всё, что необходимо было сделать в данном вопросе, и сверх этого никаких других путей уладить это дело нет» [Ито 1942, с. 909–910].

Юань Шикай, следуя указаниям Ли Хунчжана, пытался, очевидно, добиться какого-то разумного баланса между требованиями японцев и возможностями Кореи. В то же время сам Ли Хунчжан первоначально, видимо, не уделял достаточно внимания этому вопросу, возможно, не считая его по-настоящему важным, а скорее, не желая прямо вмешиваться из опасения перехода дела в открытый конфликт.

Следуя правительственным инструкциям, Оиси передал главе корейской Коллегии иностранных дел ультиматум, устанавливавший предельный срок – две недели, по истечении которого

³⁶ Хванхэдо 黃海道 – одна из провинций Кореи (на северо-западе Корейского полуострова) почти до середины XX в.

правительство Кореи должно было дать окончательный ответ. Тем не менее корейская сторона продолжала затягивать решение вопроса, и более того, президент Коллегии внезапно ушёл в отставку. Кроме того, корейские власти рассматривали возможность переноса места переговоров, как вследствие непрофессиональных действий японского представителя Оиси, так и в том числе под предлогом начинавшегося в Корее антиправительственного движения Тонхак³⁷.

Когда установленный срок истёк, Ито Хиробуми, осознавая, что для разрешения проблемы «ничего не остаётся, как в кратчайшие сроки прибегнуть к чрезвычайным мерам» [Ито 1942, с. 910], провёл совещание с министром иностранных дел Муцу Мунэмицу³⁸, морским министром Сайго Цугумити³⁹ и рядом других членов Кабинета. 17 мая Оиси было направлено уведомление о его отзыве из Сеула. Как указывал Ито: «[...] Оиси немедленно сообщил корейскому правительству содержание этого приказа и, спустив на [здании] дипломатической миссии государственный флаг, уже [практически] собрался отбыть вместе с сотрудниками посольства, [как] корейское правительство, придя в сильное замешательство, попросило отсрочки на два-три дня. Оиси [согласился] дать отсрочку для получения окончательного ответа до 19 числа. В результате переговоров, проведённых с вновь назначенным президентом Коллегии иностранных дел Нам Чон Чхолом⁴⁰, 19-го числа Оиси потребовал признания корейским правительством обязательства по уплате общей суммы в размере 110 000 йен в качестве компенсации убытков, понесённых вследствие принятия указа о запрете на вывоз зерновых. Наше правительство, приняв реше-

³⁷ Народное движение Тонхак (*Тонхак тан* 東學党) – крупное антиправительственное движение в Корее в 1893–1895 гг.

³⁸ Муцу Мунэмицу (陸奥宗光, 1844–1897) – японский политик, государственный деятель. В 1892–1896 гг. – министр иностранных дел Японии в правительстве Ито Хиробуми.

³⁹ Сайго Цугумити (西郷從道, 1843–1902) – японский политик, государственный деятель, военный (генерал, адмирал), член кабинета министров.

⁴⁰ Нам Чон Чхоль (南廷哲, 1840–1916) – корейский государственный деятель. В феврале–сентябре 1884 г. был направлен в Тяньцзинь в качестве официального представителя для встречи с Ли Хунчжаном.

ние одобрить этот [вариант], одновременно продолжало подготовку к отправке военных кораблей [...]» [Ито 1942, с. 910–911].

Таким образом, для урегулирования ситуации Ито Хиробуми прибегнул к активным мерам по всем дипломатическим направлениям. Ввиду очевидной неэффективности действия Оиси в Сеуле Ито обратился за содействием к Китаю. Соответствующие обращения на имя Ли Хунчжана были направлены японской стороной через китайского посланника в Японии Ли Цзинфана⁴¹ и японского вице-консула в Тяньцзине Аракава Кидзи 荒川己次. 3 мая японский министр иностранных дел Муцу Мунэмицу поручил Аракаве передать Ли Хунчжану письмо от имени Ито Хиробуми, в котором была описана сложившаяся ситуация, отмечалось, что переговоры между Японией и Кореей находятся в тупике, и выражалась надежда, что с помощью Ли Хунчжана удастся достичь «компромисса и мирного окончания дела» [Цюань 2005, с. 2]. «Это письмо в действительности представляло собой телеграмму, отправленную от имени Ито Хиробуми; оригинал письма, составленного на английском языке, подписан «Ваш добрый друг (Your good friend) Ито»; кроме того, также ясно была выражена надежда на скорейший ответ со стороны Ли Хунчжана» [там же].

5 мая Аракава Кидзи нанёс визит Ли Хунчжану и передал ему послание Ито. «Ли Хунчжан пообещал в ближайшее время направить Юань Шикаю инструкцию “исполнить обязанности дружественного государства между Японией и Кореей”, чтобы предотвратить “для моего доброго друга графа Ито крушение его надежд”» [Цюань 2005, с. 3] Одновременно Ли Хунчжан телеграммой инструктировал Юань Шикая «дождаться подходящего случая и убедить корейцев дополнительно всё взвесить и завершить это нерешённое дело» [Цюань 2005, с. 3].

11 мая министр иностранных дел Муцу направил вице-консулу Аракава телеграмму, в которой было указано, что до разрешения дела «необходимо по-прежнему полагаться на посредничество Ли Хунчжана». 12 мая Ито Хиробуми направил Ли Хун-

⁴¹ Ли Цзинфан (李经方, 1855–1934) – приёмный сын Ли Хунчжана, дипломат, государственный деятель. В 1890–1894 гг. – китайский посланник в Японии. В 1895 г. от имени китайской стороны подписал Симоносекский договор.

чжану повторную телеграмму, в которой говорилось, что «японская сторона надеется на урегулирование дела о “приказе о запрете на вывоз зерновых” в течение пяти дней, в противном случае японский посланник в Корею “спустит флаг и вернётся на родину”, [и таким образом Япония надеется] принудить корейскую сторону к согласию» [Цюань 2005, с. 3]. Ли Хунчжан убеждал японскую сторону уменьшить давление на корейцев, указывая, что «разве можно из-за столь незначительного дела [допустить] разрушение дружбы между двумя государствами – Японией и Кореей» [Цюань 2005, с. 3], параллельно инструктируя Юань Шикая содействовать переговорам.

Исследователь К. Фукуда приводит следующую любопытную запись из дневника японского дипломата Хара Такаси от 20 мая 1893 г.: «[...] Когда действительно наступает критический момент, к счастью, можно увидеть истинное положение вещей. С одной стороны, поскольку всё выглядело так, словно наше правительство приняло решение категорически требовать возмездия, а с другой стороны, благодаря тому, что Ли Хунчжан направил корейскому правительству секретные рекомендации, [то хотя] действия Оиси включали множество [случаев] нарушения дипломатического этикета, вплоть до [применения] необоснованных угроз, всё же люди, не зная подлинных обстоятельств дела, на основании этой ситуации [полагают, что] действия Оиси были успешными. Древняя история знает достаточно случаев, когда истинное положение вещей так и не становилось известно» [Фукуда 2013, с. 329–330].

Очевидно, что именно благодаря содействию Китая вопрос о возмещении по делу о запрете вывоза зерна удалось согласовать.

19 мая японская и корейская стороны достигли договорённости по «делу о запрете на вывоз зерна». Окончательная сумма компенсации, хотя и оставалась значительной, была существенно снижена и составила 110 000 йен. Помимо определения указанной выше общей суммы возмещения был разработан порядок её выплаты.

«90 000 йен подлежат уплате в качестве компенсации [убытков, причинённых вследствие] указа о запрете вывоза зерна из Гэндзана, [из них] 60 000 йен должны быть выплачены нашему прави-

тельству в течение трёх месяцев, а оставшиеся 30 000 йен – в течение пяти лет.

Другая часть [выплаты], [представляющая собой компенсацию за убытки, понесённые вследствие запрета на вывоз зерна из провинции] Хванхэдо, в размере 20 000 йен подлежит уплате в течение шести лет» [Ито 1942, с. 911].

Вот что в этой связи отмечал в своём рапорте российский представитель П. А. Дмитриевский в Сеуле (8/20 мая 1893 г., № 46): «[...] г. Юань получил приказ Ли Хунчжана уговорить корейское правительство согласиться на упомянутую сумму 110 000 долларов, и что король накануне согласился на это. Граф Ито, японский премьер, узнав, что японский ультиматум и застраживания действуют неудовлетворительно на корейцев, опасаясь, что Японии придётся для приведения корейцев к покорности и для поддержания своего престижа прибегнуть к другим, более действительным средствам, чего ранее вовсе не имелось в виду, опасаясь также, что эти более действительные средства могут вызвать решительный протест Китая и других имеющих интересы в Корее держав, и не желая допускать иностранные державы вмешиваться в свои сношения с Кореей и обнаруживать во всеобщее сведение свои дипломатические махинации здесь, через китайского представителя в Токио обратился к Ли Хунчжану с просьбой принять на себя посредничество в решении вопроса о количестве вознаграждения японцев. Ли Хунчжан снёсся с г. Юанем, который, посоветовавшись со здешним правительством, и предложил наибольшую сумму, которую могут заплатить корейцы. Ли телеграфировал о размере её в Токио, и японцы, в виду истечения срока ультиматума, приняли её. Нет сомнения, что принятая сумма оплачивает вполне все потери японцев» [АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 4, л. 140 об, 141].

Как отмечает Цюань Хэсю: «...Можно сказать, что этот обмен посланиями имел как для Ито Хиробуми, так и для Ли Хунчжана результатом “выигрыш для обеих сторон”, поскольку Ито Хиробуми с успехом воспользовался влиянием цинского правительства и Ли Хунчжана для урегулирования вопроса между Японией и Кореей, который в течение многих лет оставался неразрешённым, и в то же время Ли Хунчжан благодаря этой ситуации в пол-

ной мере продемонстрировал доминирующее влияние китайского правительства на короля Кореи» [Цюань 2005, с. 3].

В этом контексте отметим, что Япония, а именно Ито Хиробуми, путём разрешения данного дела достигла и другой своей цели, возможно наиболее приоритетной – снижения «активности» радикальной группировки в правительстве. Оиси Масами практически сразу же после проведения финальных переговоров и достижения окончательной договорённости с корейской стороной был отозван в Японию, где, несмотря на очевидно неудачное осуществление дипломатической миссии, был встречен с большими почестями и в его честь состоялся грандиозный приём. Тем не менее вновь на должность представителя в Корею Оиси не был возвращён. Более того, он не был назначен ни на какой другой пост, а получив от Ито Хиробуми определённые средства, отправился в поездку по Европе и Америке. Российский представитель в Сеуле П. А. Дмитриевский замечает в этой связи (8/20 мая 1893 г., № 46): «Я полагаю, что неудача японцев послужит на пользу им самим и сделает их менее надменными и своевольными здесь, чем они были прежде. Своими действиями они более и более утрачивают своё влияние здесь и сами вредят своим интересам. Г. Оиси, впрочем, только представитель партии в Японии, находящейся теперь у кормила правления, партии экзальтированных неслыханным прогрессом и величием Японии шовинистов, почти безусловно враждебных нам [...] и руководимых враждебными нам иностранными советами. Следовательно, неудача г. Оиси может отразиться и на положении его партии в Японии и дать перевес и возможность принять участие в правительственных делах этой страны более рассудительным людям и лучше понимающим истинное положение дел на востоке» [АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 4, л. 142 об].

Японская исследовательница Н. Кубо также подчёркивает ключевую роль Китая и, в частности, Ли Хунчжана в урегулировании рассматриваемой проблемы, неожиданно оказавшейся одним из наиболее продолжительных нерешённых дел в дипломатии: «Дело о приказе на запрет вывоза зерна первоначально представляло собой вопрос о согласовании величины компенсации, подлежащей уплате японским торговцам зерном. Однако когда вну-

три Японии возникло движение за увеличение суммы компенсации, не кто иной, как Кабинет Ито в качестве политической уловки направил одного из представителей “партии войны” Оиси Масами посланником в Корею. Командированный в Корею посланник Оиси, не сумев завоевать доверие корейского правительства, допустил вмешательство китайского представителя Юань Шикая, и поскольку переговоры не продвигались, в конце концов ситуация в своём развитии практически подошла к применению военной силы. На этом этапе правительство Японии не могло отдать посланнику Оиси приказ пойти на компромисс с корейским правительством: необходимо было не только учитывать положение Оиси, который, являясь депутатом парламента, не был членом правительства, но и сохранить достоинство Японии в отношении Кореи. В результате пришлось полагаться на Китай.

Дело было улажено всецело благодаря посредничеству Китая в лице Ли Хунчжана. Ли Хунчжан согласился выступить в роли посредника в ответ на просьбу Ито Хиробуми, с которым он был давно знаком⁴², однако Ли стремился уклониться от необходимого вмешательства. Тогда Ито, намекнув на возможность применения военной силы, чего он сам старался избежать, принудил Ли выступить посредником. Таким образом, в деле с приказом о запрете вывоза зерна Япония, в конце концов, воспользовалась влиянием Китая в Корею и тем самым признала приоритетное положение Цинской империи в отношении Кореи» [Кубо 2013, с. 83].

Таким образом, описанную выше сложную ситуацию удалось разрешить, на первый взгляд, вполне благополучно и даже выгодно для её главных участников (для Японии – в плане финансов, для Китая – с точки зрения «общего имиджа» и авторитета). Тем не менее это дипломатическое достижение, по сути, не привело к снижению градуса напряжённости в регионе, а возможно, и напротив, стало ещё одним шагом к открытому вооружённому противостоянию.

⁴² Довольно активные деловые контакты установились между Ли Хунчжаном и Ито Хиробуми примерно с 1885 г. в процессе заключения Тяньцзиньского соглашения («Соглашение Ли – Ито») и в определённой степени продолжались и в последующее время.

И по всей видимости, главные «игроки» – Китай и Япония – осознавали, что расстановка сил на Дальнем Востоке такова, что кризис неизбежен.

Российский дипломатический представитель в Китае А. П. Кассини⁴³ в своём докладе в Министерство иностранных дел указывал (11 мая 1893 г., № 58): «Затруднения, вызванные в Корее действиями Оиси, временно уладились. Под давлением Китая, опасющегося иностранного вмешательства, Корея согласилась на уплату Японии ста десяти тысяч лян и на оставление Оиси в Сеуле. Последняя уступка, к сожалению, заставляет ждать вскоре новых затруднений. Ли Хунчжан сказал японскому консулу в Тяньцзине, что в случае серьёзных осложнений между Японией и Кореей он опасается вмешательства России, и что тогда Китай не будет в состоянии поддерживать Японию» [АВПРИ, ф. 188, оп. 761, д. 273, л. 304].

Описанные выше события, безусловно, способствовали повороту во внешнеполитическом курсе Японии. Ранее японские власти, несмотря на противоречия, всё же были ориентированы скорее на сохранение контактов с Китаем в целях противостояния потенциальным угрозам со стороны общего врага – России. Однозначное заявление об этом находим, в частности, в упомянутой выше книге Оиси Масами «Два главных направления японской политики»: «С точки зрения ситуации на Востоке, независимость китайской империи и её прогресс в будущем являются не только обязательным [условием] сохранения и поддержания мира в Азии, но и необходимы для укрепления независимости нашей страны. Падение же Цинской империи для нашей страны будет означать утрату её [как] союзника, а для Востока в целом, вероятно, – потерю её как влиятельного [государства]. Именно поэтому обе страны – Япония и Китай, подобно братьям или сёстрам, [должны] помогать друг другу в непредвиденных ситуациях, взаимно дополняя и восполняя недостатки друг друга; у нас нет иного выхода, кроме как содействовать друг другу ради взаимного развития. В частности, наша страна не только рассматривает Китай как необходимый

⁴³ Кассини Артур Павлович (1835–1919) – российский дипломат, посланник в Китае в 1891–1896 гг.

[объект] с политической точки зрения, [но также] не может не считать [его] в плане торговли [нашим главным] рынком в будущем» [Оиси 1892, с. 56].

Непосредственно после описываемых событий взаимодействие Японии с Китаем некоторое время продолжалось и даже в определённой мере активизировалось.

После ускоренной отставки Оиси Масами с должности министра-резидента дипломатическим представителем Японии в Корее был назначен Отори Кэйсукэ⁴⁴, являвшийся в то время министром-резидентом в Китае. Таким образом, японское правительство ликвидировало отдельный пост министра-резидента в Корее, оставив лишь консульские должности. Тем самым Япония фактически отказывалась от признания независимости Кореи.

Этот факт не остался незамеченным другими державами. Вот что в этой связи, в частности, отмечал российский представитель в Корее П. А. Дмитриевский (18/30 июля 1893 г., № 88): «...назначение г. Отори – японского посланника в Пекине – представителем микадо⁴⁵ также в Сеуле. Первым сообщил мне это известие президент корейской Коллегии иностранных дел, бывший у меня утром 7-го июля. Затем, в то же утро посетил меня г. Heard⁴⁶, который получил это известие от одного из членов японской миссии здесь, с объяснением, что назначение г. Отори одновременно представителем Японии в Корее означает отказ японского правительства от попытки помочь Корее восстановить свою самостоятельность и независимость от Китая, признание вассальности Кореи по отношению к Китаю и упразднение дипломатического представительства в Сеуле. Так как сведения эти немедленно стали известны всем в Сеуле, то я посетил японскую миссию, чтобы насколько возможно выяснить достоверность их. К сожалению, временно управляющий японской миссией, подтвердив факт назначения г. Отори,

⁴⁴ Отори Кэйсукэ (大鳥圭介, 1833–1911) – японский военный, дипломат. Министр-резидент в Китае в 1889–1894 гг. Параллельно в 1893–1894 гг. – японский дипломатический представитель в Корее.

⁴⁵ Микадо 御門 – устаревший термин для обозначения японского императора.

⁴⁶ Очевидно, речь идёт об Августине Ф. Херде (Augustine F. Heard, 1827–1905) – американском министре-резиденте и генеральном консуле в Корее (1890–1893).

уклонился дать какие-либо объяснения его и лишь позлорадствовал по поводу унижения, которому подвергаются корейцы со стороны японцев вследствие того, что японское дипломатическое представительство будет иметь постоянную резиденцию в Пекине, а не в Сеуле» [АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 4, л. 162, 162 об.].

Наши дипломаты также отметили возросшую активность дипломатических контактов различного уровня между Японией и Китаем. В частности, российский посланник в Пекине А. П. Кассини сообщал (9 июня 1893 г., № 17): «Недавние события в Корее, заставившие заинтересованные в судьбе этой страны державы вновь обратить на неё свои взоры, привели, по-видимому [...] к неожиданному результату. Уже несколько времени тому назад по известным симптомам я стал замечать, что между Японией и Китаем совершается довольно оживлённый обмен мыслей по корейскому вопросу. Японский представитель в Пекине г. Отори стал особенно часто видеться с министрами Цзунли-ямэня⁴⁷, и в последнее время японский консул в Тяньцзине беспрестанно посещал вице-короля Ли Хунчжана, который раз за разом назначал ему у себя приёмы. Приезд помощника начальника японского Главного штаба генерала Каваками с сопровождающими его офицерами дал новый повод предполагать возникновение между Китаем и Японией секретных переговоров, главная цель коих, очевидно, должна относиться к корейскому вопросу. [...] Лишь только генерал Каваками выехал из Пекина в Тяньцзинь, г. Отори поспешил отправиться туда же, т. е., в город, где находится резиденция Ли Хунчжана, которому, как известно Вашему Превосходительству, специально вверено заведывание делами Кореи. Г-н Отори несколько раз имел свидание с вице-королём, причём между ними подолгу обсуждались корейские дела и, в конце концов, судя по известию, полученному мной из Тяньцзиня, их переговоры привели к полному соглашению между Китаем и Японией. После данных рассуждений относительно печального положения внутренних дел Кореи, рас-

⁴⁷ Цзунли-ямэнь 總理衙門 («Главное управление»), полное наименование Цзунли гэ го ши-у ямэнь 總理各國事務衙門 («Главное управление по делам всех государств»), – одно из правительственных учреждений империи Цин. Выполняло функции министерства иностранных дел, существовало с 1861 по 1901 г.

стройства её финансов, слабости и неспособности короля, и опасности, с которой положение это сопряжено для страны, рискующей рано или поздно оказаться добычей её могущественного соседа, собеседники пришли к заключению, что Китаю и Японии как державам, наиболее заинтересованным в судьбе Кореи, следует сообща изыскать средства для предотвращения таковой случайности. Из Тяньцзиня г-н Отори отправился в Сеул и затем в Токио.

Что касается до генерала Каваками, который был принят Ли Хунчжаном довольно холодно при его первом проезде через Тяньцзинь, то на этот раз, напротив, он был осыпан любезностями вице-короля и вместо полного отказа, с которым несколько недель тому назад было встречено его желание посетить расположенные близ Тяньцзиня укрепления и военные учреждения, он получил всё, что пожелает, и что может его интересовать.

Резкий поворот, совершившийся во взглядах китайского правительства на корейский вопрос, заслуживает с нашей стороны самого серьёзного внимания. Чем, в самом деле, можно объяснить, что Китай, который до сих пор всегда восставал против посягательств Японии на Корею и ни под каким видом не допускал вмешательства которой-либо из иностранных держав в дела этого королевства, считая его, теперь больше, чем когда-нибудь, своим вассалом, как объяснить, говорю я, что в настоящее время Китай выказывает готовность вступить по этому предмету в тайное соглашение, основания которого, как можно предполагать, уже положены на этих днях в Тяньцзине. Если факт этот можно чем-либо объяснить, то только тем страхом, в котором, несмотря на наши мирные заявления и спокойный образ действий, с некоторых пор находится китайское правительство, допускающее возможность войны с Россией из-за Памирского вопроса⁴⁸ и опасющееся, как бы в таком случае военные действия не распространились далеко за пределы Памиров» [АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 4, л. 164–165].

⁴⁸ «Памирский вопрос» – один из элементов Большой игры. В начале 1890-х гг. Памир стал ещё одним регионом, где существовало противостояние между Россией и Англией. Присоединение Памира к Российской империи произошло в 1895 г. Военные действия и нестабильность в относительно близкой к границам Цинской империи территории в известной степени могли беспокоить и власти Китая.

Тем не менее это относительно тесное взаимодействие между Китаем и Японией было лишь временным. Поворот японской внешней политики в сторону большей активности, прежде всего на континенте, становился всё более очевидным. И, безусловно, немалую роль в этом сыграли события, связанные с делом о запрете на вывоз зерновых. Фактическая неудача японской дипломатии в решении этого вопроса и необходимость обращаться к Китаю в качестве посредника, несмотря на кажущуюся незначительность проблемы, вызвали сильную реакцию в японском обществе. Рост внешнеполитических амбиций Японии уже невозможно было остановить. Как отметил японский исследователь Х. Осава, «новая ситуация, формировавшаяся внутри страны с 1893 до следующего года, состояла в одновременном «взрыве» настроений на решительность и твёрдость в отношении Кореи и Китая, триггером для которого послужило дело о запрете на вывоз зерновых, и развёртывании движения за агрессивную внешнюю политику с целью пересмотра договоров с европейскими странами и США» [Осава 1998, с. 87].

Приложение I

АВПРИ, ф. 195, оп. 529, д. 42, л. 110, 110об, 111, 111об, 112, 112об, 113, 113об, 114, 114об, 115, 115об.

Перевод сообщения президента корейской Коллегии иностранных дел японскому министру-резиденту от 25 февраля / 9 марта 1893 г.

Я имел честь получить сообщение Ваше от 13 февраля 1893 г. с приложениями и вполне ознакомился с содержанием оногo. В ответ имею честь сообщить, что осенью 1889 г. бывший президент Коллегии иностранных дел Мин⁴⁹ получил донесение г. Чжо,

⁴⁹ Мин Эн Си (闵应植, 1844–1903) – крупный государственный деятель Кореи. В рассматриваемый период помимо прочего возглавлял так называемую Коллегию иностранных дел (кор. Эйсё 禮曹) – орган государственной власти в Корее, занимавшийся вопросами ритуала и церемоний, а также дипломатическими делами (т. е. некий аналог китайского Министерства церемоний *Ли-бу* 禮部). В деле о запрете на вывоз зерновых Мин Эн Си в отношении требований Японии занимал жёсткую позицию.

начальника провинции Хамгёндо, с уведомлением о случившемся в провинции неурожае и с просьбой известить о запрещении вывоза хлеба. На основании права, предоставленного Коллегии действующими в настоящее время трактатами между Японией и Кореей, за месяц ранее было сообщено (Вашей Миссии), что запрещение вступит в силу в конце 10-го месяца того же года. Но бывший Ваш представитель Кондо⁵⁰ не согласился издать объявления о том (Вашим купцам) для соблюдения, выставляя множество препятствий к тому, и усиленно просил о снятии запрещения, так что бывший президент счёл за лучшее уступить, и в 12-м месяце того же года послал предписание о снятии запрещения, а также представил доклад о наказании главных чиновников провинции за слушание предписаниям. Наше правительство после этого смотрело на это дело как на решённое, и бывший президент Мин 23-го числа 3-го месяца (в апреле) 1890 г. сообщил об окончании дела Вашему представителю Кондо, который не сделал против того никаких возражений. Но неожиданно по прошествии двухлетнего срока 8 числа 11-го месяца (в декабре) 1891 г. Ваш бывший министр-резидент Кадзияма вдруг представил отношение и список по давно уже решённому делу и усиленно потребовал вознаграждения убытков. Переговоры по этому поводу продолжались целый год, но не приводили ни к какому результату, а требования и настояния продолжали сыпаться на нас самые поспешные и неотложные. Хотя наше правительство смотрело на такие действия как на совершенно неожиданные, тем не менее ввиду важности сношений между двумя государствами и с целью выказать особенное дружелюбие, бывший президент Мин 23 июля прошлого года (1892) обратился с предложением уплатить вознаграждение в уменьшенном размере. Наше правительство не желало точного расследования по этому делу и, терпеливо снося незаслуженные неприятности, чтобы укрепить связи между обоими государствами, само признало такое решение дела самым надлежащим. Между тем по истечении двух месяцев Ваш прежний представитель г. Кадзияма полу-

⁵⁰ Кондо Масуки (近藤真鋤, 1839–1892) – врач, дипломат. С 1870 г. консул в Корее. На протяжении 20 лет являлся поверенным в делах в Корее.

чил из Министерства иностранных дел ответ на наше предложение с уведомлением, что трудно сократить по разным отделам представленный счёт и что нет причин для самого малейшего уменьшения в требуемом вознаграждении. Так как в ноте Вашего министра иностранных дел было уведомление о командировании чиновника для совместного обсуждения дела, то бывший президент Мин приготовил ответ на ноту, передал его прибывшему чиновнику Хара для доставки, с тем чтобы прекратить с этого времени разные препирательства и в указанный срок решить надлежащим образом дело. Но в то время, когда мы ещё ожидали благоприятного ответа, получено было снова Ваше сообщение по делу с приложенными счетами, а также последовали наши переговоры. Могли ли мы не принять особенные меры для обеспечения вечного укрепления дружественных отношений? Я теперь рассмотрю по пунктам представленные Вами требования.

1) В первой статье двух счетов, полученных нами при сообщении Вашего бывшего представителя г. Кадзияма, значатся суммы в 48 597 долларов и в 2433 доллара как потери, понесённые вашими купцами Кадзияма и другими вследствие ареста товаров и денег и насильного захвата их. Относительно этой статьи Коллегия иностранных дел несколько раз командировала чиновников для точного и подробного расследования, и утверждения Ваших купцов оказались большей частью бездоказательными. Посланный на следствие чиновник снова недавно представил счёт, по которому жители провинции Хамгёндо в течение осени и зимы 1889 г. продали японским купцам крупного гороха всего в количестве 18 004 мешков, что, считая мешок по таможенной оценке в 1 доллар 10 центов, составляет сумму в 19 804,40. Относительно количества гороха следственный чиновник призывал продавцов для подробного и обстоятельного допроса и получил точные и подлинные показания, которые и представил на рассмотрение в отдельном приложенном к донесению реестре. Поэтому наше правительство положительно не может принять за верные эти большей частью бездоказательные статьи убытков в том виде, в каком они представлены в реестре Ваших купцов как подлежащие возмещению. В то же время если мы примем за норму расчёт нашего следственного чиновника относительно

следующего вознаграждения, то он едва ли удовлетворит претензии Ваших купцов. Я колеблюсь принять твёрдое решение, ибо слишком много времени прошло со дня запрещения вывоза хлеба до дня предъявления претензий Вашей миссией, и положительно трудно вполне ясно расследовать дело. Поэтому я командировал чиновника собрать подробные сведения из отчётов Уонсанской таможни о количестве вывезенного гороха по сезонам за 1888, 1889 и 1890 гг. и только что получил эти сведения. Из них видно, что в течение зимнего сезона 1888 г. гороха вывезено 28 811 мешков, за зимний сезон 1889 г. вывезено 18 708 мешков, и за зимний сезон 1890 г. вывезено 5036 мешков. Из сравнений этих количеств оказывается, что количество, вывезенное в течение зимнего сезона 1890 г., далеко уступает количеству, вывезенному за таковой же сезон 1889 г., а вывоз 1888 г. превышает вывоз 1889 г., когда вывоз хлеба был запрещён, только на 10 000 мешков. Вывоз гороха за весенний сезон 1888 г. равняется 15 444 мешкам, за тот же сезон 1889 г. – 36 551 мешку, и 1890 г. – 53 499 мешкам.

Сравнивая эти количества, находим, что вывоз 1890 года был самый большой и превышает отдельно взятые количества вывоза в зимние сезоны в несколько раз, а вывоз зимнего сезона 1889 года, когда вывоз хлеба был запрещён, превышает на 34 691 мешок. Вышеупомянутые количества все приведены в таможенных отчётах, составляют точные доказательства и гораздо яснее и определённое расчётов, представленных японскими купцами и нашими следственными чиновниками. Я, президент, желаю удовлетворить обе стороны, и из сезонов за три года избрав за норму самое большое количество вывоза за весенний сезон 1890 г. и исключив из него количество, вывезенное в зимний сезон 1889 г. – 18 708 мешков, остающееся количество – 34 791 мешок – или круглым числом 35 000 мешков, предлагаю принять за сумму потерь Ваших купцов зимой 1889 г. вследствие запрещения вывоза. При оценке мешка в \$1.10 это количество будет представлять сумму 38 500 долларов, которая и должна удовлетворить потери Ваших купцов. Я полагаю, что моя оценка – самая справедливая и удовлетворительная, и если Вы будете настаивать на сумме расчёта Ваших купцов, а я – на расчёте, представленном мне следственным чиновником, то я опасуюсь, что

дело не кончится и такие настояния не приведут нас к согласному и справедливому решению дела.

2) По второму пункту двух счетов значатся суммы в \$27 386 и \$596 – как убытки, понесённые г. Кадзияма и другими японскими купцами вследствие замедления в перевозке, причинённого запрещением вывоза. Товар, запрещённый к вывозу зимой 1889 года, представляет собой горох, вывезенный весной 1890 г. Коллегия иностранных дел сообщением осенью 1889 года определила запретить вывоз в конце 10 месяца этого года, а в 12-м месяце этого же года запрещение было отменено, и следовательно, замедление могло произойти только на два месяца. Если замедление произошло относительно всего количества вывезенного весной 1890 г. гороха, то это количество равнялось только 53499 мешкам или на деньги – сумме 58 848 долларов 90 центов. Принимая за норму обыкновенный процент, взимаемый японским банком в Чемульпо с нашего правительства, т. е. 0,04% с доллара в день, или 1,2% в месяц, или с каждых \$10 000 по \$120 в месяц, проценты на сумму \$58 848 в течение двух месяцев составят \$1412,3736, и сумма \$27 920, показанная в двух счетах как потери вследствие замедления вывоза, представит собой проценты указанного размера на капитал более 200 000 долларов и за целый год. Совершенно поэтому непонятно, как произведён Вами расчёт, и нашему правительству трудно согласиться на уплату по нему.

3) По третьей статье двух счетов значатся суммы в \$15 806 и \$611 – как расходы на необходимые издержки купцов. По моему мнению, когда у японских купцов случаются какие-либо важные дела, то эти дела должны быть своевременно обсуждаемы и решаемы Вашей Миссией и нашим правительством, причём купцам не требуется делать никаких других лишних расходов, и если Ваши купцы, не жалея своих денег, совершенно напрасно давали их другим, то разве должно заставлять наше правительство платить за это? Поэтому положительно трудно для нас возместить убытки по этой статье.

4) По четвёртой статье двух счетов значатся суммы \$49 652 и \$2085 как проценты на потерянные японскими купцами капиталы. Запрещение вывоза последовало в конце 10-го месяца 1889 г.,

а Ваш бывший представитель, г. Кадзияма, прислал сообщение со списками убытков 8 числа 11-го месяца (в декабре) 1891 г., времени между этими двумя событиями протекло, считая и добавочный месяц, 26 месяцев. Вашей Миссии следовало бы сделать заявление по этому делу в течение трёх месяцев, и нашей Коллегии иностранных дел было бы легко тогда же расследовать дело. Но Ваша Миссия лишь по истечении двух лет и двух месяцев, не пригласив ранее расследовать дело, вдруг представила счёты с громадными процентами и с требованием уплаты. Нашему правительству тем более трудно было признать себя обязанным уплатить вознаграждение. Притом какое бы то ни было важное дело, в каком порте оно не случилось бы, никогда не было задерживаемо так долго. Не сообщивший о деле сначала и ранее сообщения притом встречавшийся, самолично только сосчитав громадные проценты за целые годы, требует их уплаты с другого. Если будет выставлено предлогом, что на точный расчёт потребовалось много времени, то это зависело от японского правительства, а не от нашего. Если бы заявление сделано было только по истечении 10 лет, то счёт процентов, наверное, достиг бы нескольких сотен тысяч долларов, и тогда также пришлось бы потребовать с нашего правительства вознаграждения за всё время до срока уплаты. Разве это было бы законно и справедливо?

5) В последней статье обоих счетов на конце написано: до тех пор, пока сумма денег не будет уплачена, должны быть взысканы следующие за всё время проценты. Так как все вышеизложенные статьи счетов оказываются неточными, то Коллегия ещё не решила, как надлежащим образом окончить дело. Что касается указания, что деньги не были уплачены в должное время, и проч., то мы ещё не знаем, с кого и за какое время должны быть взысканы проценты.

Затем в Вашем отдельном счёте приведена сумма в \$28 590 с объяснением, что она представляет проценты на исковую сумму за время с 1-го декабря 1891 г. по 30 января 1893 г. Но так как представленный Вашим бывшим представителем г. Кадзияма счёт вообще не точен и так как наше правительство не может согласиться на уплату вознаграждения в том количестве, в каком оно

требуется Вами в вышеизложенных статьях, то и уплатить приводимую Вами сумму процентов ваше правительство решительно не может признать себя обязанным. По-моему, президента, мнению, сумма, которую нашему правительству следует возместить, должна состоять из стоимости вышеприведённого количества вывоза гороха \$38 500 и процентов за замедление вывоза в количестве \$1412, 3736, а всего \$39 912, 3736; затем к этому следует присоединить проценты на эту сумму со дня заявления Вашего бывшего представителя г. Кадзияма 8 числа 11-го месяца (в декабре) 1891 г. по 7 число 2-го месяца (12/24 марта) настоящего года, всего, считая и добавочный месяц, за 16 месяцев – по 1,2% в месяц, – \$7663,1757 312. Общий итог всего вознаграждения будет равняться тогда \$47 575,5 493 311. Этот уменьшенный и точный расчёт очень ясен и доказателен. Я, президент, решил немедленно сделать распоряжение об ассигновании этой суммы как следующей к возмещению, и если Вы, г. министр-резидент, согласны с моим расчётом, то я буду покорнейше просить Вас заранее распределить упомянутую сумму между потерпевшими купцами, чтобы возбудить их упавший дух, и надеюсь, что Вы ответите мне и укажете срок, когда передать деньги и тем сохранить в целости наши дружественные отношения. Если же Вы будете не согласны с моим предложением и вследствие наших дальнейших переговоров произойдёт замедление в выдаче, то считаю долгом уведомить Вас, что начиная с сего числа наше правительство не будет считать себя обязанным платить проценты, какого бы рода они не были.

Сокращения

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

Источники и литература

1. Ито 1942 – Ито: Хиробуми дэн 伊藤博文傳 (Биография Ито Хиробуми). Т. 2. Токио: То: сё: ся 統正社, 1942.
2. Ковальчук 2005 – Ковальчук М. К. Эволюция японского экспансионизма в Корею в 60–90 гг. XIX века. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2005.

3. Кубо 2013 – *Кубо Нобуко* 久保伸子. Ито: Хиробуми то Мэйдзи Нихон но Тё: сэн сэйсаку 伊藤博文と明治日本の朝鮮政策 (Ито Хиробуми и политика Японии эпохи Мэйдзи в отношении Кореи). Докторская диссертация. Муниципальный университет Китакою (Китакою: сю: сирицу дайгаку дайгакуин 北九州市立大学大学院), 2013.

4. Миямото 1945 – *Миямото Матадзи* 宮本又次. Бо: коку рэй дзикэн то ниссин сэнсо: 防穀令事件と日清戦争 (Дело о запрете вывоза зерновых и японо-китайская война) // База данных Университета Кюсю (九州大学学術情報リポジトリ (Кю: сю: дайгаку гакудзюцу дзё: хо: риподзитори)/ Kyushu University Institutional Repository. Издание: «Экономические исследования» (Кэйдзайгаку кэнкю: 經濟學研究). 1945. 13(1). С. 89–107. URL: https://catalog.lib.kyushu-u.ac.jp/opac_download_md/4355394/1301_p089.pdf. (дата обращения: 12.04.2022).

5. Оиси 1892 – *Оиси Масами* 大石正己. Нихон но ни дай сэйсаку 日本之ニ大政策 (Два главных направления японской политики). Токио: Изд-во Аоки Судзандо 青木嵩山堂, 1892 // Национальная библиотека парламента (Кокурицу Коккай тосёкан 国立国会図書館). URL: <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/783629/1> (дата обращения: 20.04.2022).

6. Осава 1998 – *Осава Хироаки* 大澤博明. Мэйдзи дзэнки но Тё: сэн сэйсаку то то: го: рёку 明治前期の朝鮮政策と統合力 (Корейская политика и интеграционные силы в начале эпохи Мэйдзи) // Нэмпо: сэйдзи гаку 年報政治学 (Ежегодное издание Японской ассоциации политических наук). 1998. Т. 49 // База научных публикаций J-STAGE, Агентство по науке и технологии Японии (Japan Science and Technology Agency). URL: www.jstage.jst.go.jp/article/nenpouseijigaku1953/49/0/49_0_71/_pdf/-char/en (дата обращения 24.03.2022).

7. Фукуда 2013 – *Фукуда Кадзюя* 福田和也. Дай сайсё: Хара Такаси 大宰相・原敬 (Великий министр Хара Такаси). Токио: Дайниппон инсацу кабусики гайся 大日本印刷株式会社, 2013. Электронная версия. URL: <https://books.google.ru/books?id=CTTh5fventsC&printsec=frontcover> (дата обращения: 20.03.2022).

8. Цюань 2005 – *Цюань Хэсю* 权赫秀. Ли Хунчжан юй Итэн Бовэнь ванлай шусинь као 李鸿章与伊藤博文往来书信考 (Исследование переписки Ли Хунчжана и Ито Хиробуми) // Чжэцзян сюэкань 浙江学刊 (Издание Чжэцзянского университета). 2005. № 2 // База данных ксерокопий печатных изданий Народного университета Китая. URL: <http://rdbk1.yunlib.cn:6251/qw/Paper/293980#anchorList> (дата обращения: 05.04.2022)

9. Юй, Се 2005 – *Юй Хэтин* 虞和平, *Се Фан* 谢放. Чжунго цзиньдай тунши 中国近代通史 (Общая новая история Китая). Т. 3. Цзаоци сяньдайхуа дэ чанши 早期现代化的尝试 (1865–1895) (Ранние попытки модернизации (1865–1895)), 2005, Нанкин: Цзянсу жэньминь чубаньшэ 江苏人民出版社.

10. Curzon 1894 – *Curzon G. N. Problems of the Far East* (Проблемы Дальнего Востока). Лондон, Longmans, Greenand Co., 1894. Электронная версия. URL: https://books.google.ru/books?id= NN_4PHhZs8wC (дата обращения: 07.02.2022).

11. IASA – 朝鮮國ニ於テ日本人民貿易ノ規則 Тё: сэн коку ни ойтэ Нихон дзиммин бо: эки но косоку (Правила торговли японских подданных в Корее) // 戦前日本政治外交文書(1945年8月14日以前) Сэндзэн Нихон сэйдзи гайко: бунсё (1945 нэн хати гацу дзю: ёкка и дзэн) (Политические и дипломатические документы Японии довоенного периода (до 14.08.1945)) // データベース「世界と日本」 Дэ: та бэ: су «Сэкай то Нихон» (База данных «Мир и Япония»), Институт перспективных исследований Азии (Institute for Advanced Studies on Asia (IASA)), Токийский университет. URL: <https://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/pw/18830725.O1J.html> (дата обращения: 07.03.2022).